

А.Д. Пантелеев

Из истории религиозной жизни II в.: гностицическая пропаганда ^[1]

В настоящее время существует достаточно большое количество литературы, посвященной гностицизму, но, тем не менее, некоторые его стороны все еще остаются малоизученными. Среди них – распространение гностиками своих учений. Сам факт популярности гностицизма не вызывает споров, об этом считают нужным упомянуть почти все исследователи, однако вопрос о том, как конкретно привлекались новые верующие, до сих пор не освещен. Возможно, эта статья сможет хотя бы несколько заполнить пробел в отношении некоторых сект, главным образом, валентинианских.

Основным источником для нас служат сочинения православных писателей-ересеологов. Труд Ириней Лионского «Обличение и опровержение лжеименного знания» по важности занимает первое место среди прочих источников по валентинианству: в нем содержится настолько подробное изложение еретических систем, что более поздние авторы часто перенесли его сведения в соответствующие разделы своих сочинений [2]. Но, несмотря на то, что его сочинение пишется для того, чтобы «некоторые, как овцы не были похищены волками, которых они не могут узнать по их внешнему облачению в овечью шкуру» (I, praef., 1) Ириней мало интересуется практической стороной жизни еретиков; он рассказывает о ней только для того, чтобы лишней раз обвинить их в идолопоклонстве, занятиях магией или аморальном поведении. Кое-что о ней сообщает Тертуллиан в «Против валентиниан», «О прескрипции против еретиков» и в «О плоти Христа». Кроме того, много информации содержится в «Опровержении всех ересей» (Refutatio) Ипполита Римского.

Стоит отметить, что против гностиков писали не только ортодоксальные полемисты. Один из трактатов Плотина, «Против тех, кто говорит, что космос зол и творец космоса зол» (Enn. II,9), уже его учениками был назван «Против гностиков» и, безусловно, тоже может рассматриваться как полемическое произведение. Оно писалось для того, чтобы нейтрализовать влияние гностиков Адельфия и Аквиллина в неоплатонической школе. К сожалению, мы не можем точно сказать, к какой секте относится это сочинение, Плотин ее не называет [3], но, как кажется, мнение о том, что имеется в виду какое-то из направлений валентинианства, не лишено оснований [4]. Он не дает четкого изложения гностицистической системы, он лишь доказывает несостоятельность основных ее положений. Между делом, Плотин сообщает кое-что интересное для нас. Так, например, мы можем узнать, что гностики говорили начинающим неоплатоникам, сворачивая их с пути истинного и сравнить это с тем, что согласно отцам-ересеологам, говорилось христианам.

С момента открытия библиотеки Наг-Хаммади, содержащей такие несомненно валентинианские сочинения, как «Евангелие истины» (I,3), «Валентинианское учение» (XI,2) или «Трехчастный трактат» (I,4), не прекращаются попытки отнесения к валентинианской школе и других трактатов из этого собрания. Своеобразный рекорд установил Д. Бронс: 18 сочинений из 48! Но независимо от принадлежности, подлинные гностицистические сочинения ценны тем, что дают нам возможность увидеть гностиков их собственными глазами, а не с позиций их противников – ортодоксальных христиан. К сожалению, о способах агитации там сообщается очень мало, но мы можем получить некую информацию о том, как сами гностики (не обязательно валентиниане) относились к пропаганде своих воззрений. Так, в Евангелии от Фомы мы читаем: «Иисус сказал: То, что ты услышишь твоим ухом, возвещай это другому уху с ваших кровель. Ибо никто не зажигает светильника и не ставит его под сосуд и никто его не ставит в тайное место, но ставит его на подставку для светильника, чтобы все, кто входит и выходит, видели его свет» (84). Но есть и другие пассажи, по смыслу, кажется, прямо противоположные этому, например, Апокриф Иоанна: «(Проноя говорит): "Я же, я сказала все эти вещи тебе, чтобы ты записал их и передал их своим духовным сотоварищам сокрыто.

Ибо есть это тайна рода недвижимого". И Спаситель дал это ему, чтобы он записал это и положил надежно. И он сказал ему: "Да будет проклят всякий, кто обменяет это на дар, или на одежду, или на какую-либо другую вещь подобного рода". И это было дано ему втайне» (31,28–32,2). Ниже мы попытаемся объяснить противоречие между требованием хранить учение в тайне и одновременно «возвещать его с кровель» .

Безусловно, гностические учения и без специальной агитации обладали в глазах языческой массы некоторыми преимуществами перед церковным христианством. Об этих преимуществах пишет М.Э. Поснов в своей фундаментальной работе «Гностицизм II-го века» [5]. Мы кратко перечислим основные из них. Гностики указывали на источник своего учения для того, чтобы придать себе больший авторитет. Так, Валентин ссылаясь на Тевду, спутника ап. Павла (Cl. Alex. Str., VII,17), Василид считал себя учеником Главка, толкователя ап. Петра и слушателя Павла. Они утверждали, что только им известно подлинное, тайное учение Христа и, следовательно, они и только они – истинные христиане. У гностиков было более развито богослужение и ритуал (о наассенах Ипполит говорит, что у них были малые и большие таинства, крещение живой водой, помазания неизреченной мазью, причащения (Ref., V,7)); есть данные приписывать им празднование христианских праздников – крещения Господня и рождества Христова; скорее всего, гностикам принадлежат первые церковные гимны, кажется, богослужебные изображения (иконы) впервые появляются тоже у них: «Они (карпократиане) имеют частью нарисованные, частью из другого материала изготовленные изображения, говоря, что образ Христа сделан был Пилатом в то время, когда он жил с людьми. И они украшают их венками и выставляют с изображениями Пифагора, Платона, Аристотеля и прочих; и оказывают им другие знаки почтения так же, как язычники» (Iren. Adv. haer., I,25,6). Гностики принимали посвящение и в другие мистерии. Еще Иустин писал: «Они... участвуют в незаконных и безбожных обрядах» (Dial., 35). А Ипполит, говоря о культе наассенов, указывает на их участие в мистериях ассирийских и фригийских, в элевсинских и самофракийских, в посвящениях Изида и Осириса (Ref., V,7). Еще одно отличие состояло в использовании магии, крайне популярной в то время. Если церковные авторитеты крайне неприязненно относились к ней, то о гностиках этого не скажешь: у нас есть масса свидетельств о ее использовании [6]. Симон-маг ставился у начал гностической ереси, а о валентинианине Марке, последней крупной фигуре в истории гностицизма, Иринея сообщает, что «Будучи весьма искусен в чародейских проделках, он обольстил ими множество мужчин и женщин и привлек к себе, как обладающему наибольшим знанием и получившему наибольшую силу из незримых и неименуемых мест... Соединив игры Анаксилая [7] с проделками так называемых чародеев, он дает людям бессмысленным и выжившим из ума думать, что делает таким образом чудеса» (I,13,1).

Все это можно обобщить как возможность сохранения прежнего, еще языческого, религиозного опыта в рамках новой системы: человек не мог сразу отказаться от своих старых представлений, как того требовало христианство. Кроме того, христианство с момента возникновения состояло в конфликте с Империей и следствием этого конфликта были, с одной стороны, «официальные» гонения, а с другой – неприязнь большей части населения [8]. И с этой стороны гностицизм давал большие возможности: гностик мог отправлять общепринятые культы, в том числе и императорский, участвовать в общих праздниках, а в случае гонений спокойно отрекался от Христа: «он (Василид) учит вкушать идоложертвенное и спокойно отрекаться от веры во время гонений» (Eus. HE IV,7,6). Иустин говорит о гностиках: «Знаю, что вы их не гоните и не убиваете, по крайней мере, за их учение» (Apol. I 26).

Как и церковные христиане, гностики вели миссионерскую работу среди язычников. Полемисты в пылу борьбы заявляли, что гностики совращают только христиан (что стало одним из оснований объявления гностицизма внутрехристианским явлением), но при более внимательном чтении можно найти свидетельства об обратном: «Они (карпократиане) посланы сатаной к поруганию церкви, чтобы тем или другим способом люди, слушая их речи и воображая, что все мы таковы же как они, отвращали свой слух от проповеди истины, или,

видя их дела, хулили нас всех...» (Iren. Adv. haer. I,25,3). С другой стороны, вряд ли Плотин беспокоился о церковных христианах, когда писал о том, что «...если услышит прежде смиренный, умеренный и простой муж такие слова: "Ты – сын бога, а остальные, которым ты удивлялся, – не дети его и не получили от отцов, то, что они почитают, ты же лучше даже небес, ничуть не потрудившись", – разве не поверят они подобным речам, притом, что и другие верят, – ведь велико самодовольство в людях» (Enn. II,9,9). Порфирий сообщает о том, что среди учеников Плотина были такие, «которые отпали от старинной философии, – ученики Адельфия и Аквиллина; опирались они на писания Александра Ливийского, Филокома, Демострата, Лида и выставляли напоказ откровения Зороастра, Зостриана, Никофея, Аллогена, Меса и тому подобных, обманывая других и обманываясь сами, словно бы Платон не смог проникнуть в глубину умопостигаемой сущности!» (Vita Plot. 16).

Таким образом, перед нами встает вопрос о язычниках, к которым обращались гностики. Проповедовали ли они всем подряд, от рабов до императора, как церковные миссионеры, или обращались к каким-то определенным группам? Ориентировались ли все гностические секты на один и тот же круг или нет? Да и можем ли мы вообще сказать что-либо определенное об их аудитории? Этот вопрос не прост, и сначала нам придется обратиться к причинам гностической агитации. Казалось бы, зачем гностикам, гордящимся своей избранностью, аристократам духа, привлекать к себе внимание толпы, подобно «несмышленным» церковным христианам? С точки зрения любой гностической теологии ответ однозначен: Плерома, высший мир, восстановится только тогда, когда все духовные семена созреют и будут собраны, когда все узнают о своем происхождении и о том, почему они здесь. Так, «основатель» гностицизма Симон искал семена в самых разных социальных слоях, от публичного дома, где он нашел саму Первомысль-Елену, до Римского Сената (Iust. Apol. I 26). Но далеко не все обращались к столь широкому кругу. Валентиниане, по Иринею, «О душах, имеющих в себе семя Ахамот, говорят, что они лучше прочих, поэтому и более других возлюблены Демиургом, который, не зная причины сего, думает, что они от него таковы. Поэтому он и ставил их пророками, священниками и царями» (I,7,3), Демиург управляет миром «до надлежащего времени более всего для попечения о Церкви» (I,7,4), т.е., как минимум, о психиках – душевных людях [9]. Отсюда понятно, где следует искать духовных: если не меж сильных мира сего, то в «среднем слое». И действительно, чуть ниже Иринея пишет: «И, как мне кажется, не без причины они не хотят учить этому всех выяв, но учат только тех одних, которые в состоянии давать за такие таинства большую плату» (I,4,3). Мы не можем точно сказать, насколько тесно связывались степень духовности человека и его положение в этом мире, но можно сделать несколько общих замечаний. Очевидно, что обеспеченный человек имел больший *otium*, чем ремесленник. О необходимости *otium*'а для самосозерцания, характерного для гностицизма, пишет А.Д. Нок, отмечая, что «Это (наличие досуга) неприменимо для определения социального окружения, в котором христианство получило более всего приверженцев, но таковы были круги, в которых могли взять начало направления мысли, близкие к гностицизму» [10]. Кроме того, состоятельный человек, получив хорошее образование, гораздо лучше безграмотного ремесленника или крестьянина мог понять платонизирующие построения Валентина или его последователя Марка, который «более всего имеет дело с женщинами, и притом с щеголеватыми, одевающимися в багряницу, и самыми богатыми». Кажется, и здесь гностики предвосхитили кафоликов [11]. Итак, для того, чтобы понять, на кого ориентировалась та или иная секта, достаточно посмотреть на то, как к духовным людям относится Демиург.

В каких группах могла идти агитация? У нас есть четкое указание только на одну – философские школы. Гностики проникали в школы с большим успехом (это объяснимо и характером учения, и общностью с философами решаемых вопросов, и лучшим образованием), чем христиане. Неверно было бы считать, что философам проповедовали только гностики: Минуций Феликс, Тертуллиан, Афинагор, не говоря уже об Иустине Мученике, родились в языческих семьях, получили эллинское философское образование и лишь потом приняли

крещение. Но так называемых «христианских философов» до Оригена не знает никто, кроме самих христиан; если и пишутся антихристианские сочинения, то они направлены против религиозных, а не философских взглядов. В то же время «Против гностиков» Плотина оспаривает именно философские положения и предоставляет эту тему ученикам: Амелий написал против книги Зостриана сорок книг, а Порфирий доказал то, что сочинение, приписываемое Зороастру – псевдоэпиграф (Porph. Vita Plot. 16). Стоит отметить, что это – единственное полемическое сочинение Плотина; если с гностиками велась дискуссия на таком уровне, то Плотин рассчитывал, во-первых, на то, что будет оказано воздействие на тех, кто мог подпасть под «дурное влияние», а во-вторых – те, против кого он писал, гностики, тоже прочтут, а главное – поймут и обратятся к правильному образу мыслей. Но гностики были предпочтительнее прочих христиан не только для Плотина; за полвека до него платоник Цельс в своем «Правдивом слове» освобождает Маркиона [12] от части обвинений, выдвигавшихся против остальных христиан (Orig. C. Cels. VI,74), можно вспомнить и слова Иустина о том, что гностики не гонят и не убивают «за их учение».

Были ли философские школы единственным сообществом, в котором действовали гностики? Явных свидетельств о других (кроме христианских общин) у нас нет: церковные авторы вообще не касаются этой темы (о философах мы знаем от Плотина и Порфирия). Но Ириной слишком активно обвиняет Марка в соблазнении состоятельных женщин (I,6,3; I,13,2–7), чтобы пройти мимо этого. Нам известно о значительной роли, которую они играли во II-ом в., так, например, надписи упоминают знатных женщин как благодетельниц полисов, появляются такие титулы, как «Дочь города и благодетельница» или «Мать города». Эти женщины обладали большими средствами, на которые возводили общественные сооружения, они занимали место жриц императорского культа и местных божеств (например, Планкия Магна – демиург города, жрица императора и Великой матери), выступали в качестве агонотетов – организаторов празднеств, их провозглашали почетными председателями союзов. Женщины старались проникать в мужские союзы: так, женские имена встречаются в списке герусии г. Себасте (II в. н.э.). Иногда женщины пытались создавать свои объединения вокруг гимнасиев (в г. Дорипее в Малой Азии существовала гимнасиарх женщин) [13]. Кроме того, существовали традиционные женские религиозные коллегии. Поэтому кажется логичным предположение, что учение Марка распространялось именно в таких сообществах, а женщины не приходили к нему сами по себе. Скорее всего, после прибытия учителя в город его ученицы проникали в эти кружки (они принадлежали к одному социальному слою: Марк был достаточно богат (Iren. Adv. haer. I,12,3)) и рассказывали о нем, о его пророчествах и чудесах; в эпоху Антонинов это не могло не иметь отклика. Затем, после того, как происходило обращение нескольких местных жительниц, дело шло быстрее, «истинно христианское» учение входило в моду точно так же, как какие-нибудь экзотические восточные культы.

Возникает вопрос: а что так привлекало именно женщин? В отличие от ортодоксального христианства, которое уже тогда рассматривало женщину как «сосуд греха» (чего только стоят тертуллиановы слова к девице-христианке «Все возрасты в опасности из-за тебя!») и заявляло устами апостола «Жены ваши в церквах да молчат; ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит» (I Кор. 14:34), в гностических общинах ей отводилась большая роль. Женщины ценились как «сильные пониманием, которое в них». Мария Магдалина объявлялась важнейшим из апостолов: Евангелие от Марии говорит, что Спаситель, считая ее достойнейшей, тайно говорил с ней о сокровытом, а в Pistis Sophia ее сердце «более чем всех своих братьев устремлено в Царствие Небесное». Кроме того, что могли кафолики предложить женщине в этом мире, не считая мученического венца? Марк же делал их пророчицами, давал совершать евхаристию (что повергало тогда еще правоверного Тертуллиана в шок), на земле соединял с духовным женихом-ангелом. Интересно, что в семьях учение Христа, что православное, что еретическое, дальнейшего распространения не получало: доказательством тому и многочисленные рассказы о христианских мученицах, которых выдавали мужья, и схожие истории о «растленных» гностиками женщинах.

Хотя многие гностики были родом из небольших городков и деревень (Симон – Гиттон, Менандр – Каппаретей, Валентин – Фревонида) [14], они стремились проповедовать в крупных городах, причем переезжали из одного в другой. Так, Симон проделал путь Гиттон – Тир – Рим – возможно, Александрия; Василид проповедовал в Сирии, Антиохии, Персии, Александрии; о Маркионе Епифаний сообщает, что он побывал в Италии, Риме, Египте, Палестине, Аравии, Сирии, Фиваиде и на Кипре (Panag. 42,1). Валентин – не исключение: Фревонида – Александрия – Рим – Кипр. Существует мнение, что такие странствия вызваны тем, что они, будучи «уже отлученными от церкви в одном месте, пытались сблизиться с ней в другом», так как «об отлучении могли знать в одном месте и не знать в другом» [4, с.497]. Может, быть это и объясняет переезды, но лишь отчасти. Против этой теории есть два возражения. Во-первых, почему Василид (об отлучении которого нам ничего не известно) отправился в Персию (Act. Archel. 7), где христианство было в то время распространено, мягко говоря, крайне слабо? Во-вторых, похоже, что еретики, не отделившиеся от церкви подобно Маркиону, играли заметную роль в жизни общины: валентинианин Флорин – римский пресвитер и против него восстает не местное духовенство, а Ириней из Галлии. Так насколько серьезным актом было отлучение, что бы из-за него переезжать? Скорее всего, эти путешествия носили миссионерский характер. Это объясняет и частоту смены городов, и то, куда стремились учителя-гностики. С одной стороны – еще почти не христианизированные Персия или Галлия, с другой – Рим, Александрия, Антиохия – крупнейшие города Империи или Кипр – важный торговый центр, где провел остаток жизни Валентин; возможно, там он мог поддерживать связь со своими учениками и в Риме, и в Александрии.

Безусловно, заслуживает внимание еще один аспект гностической проповеди: гностики вносили свое учение, облекая его в привычный аудитории облик, не шокируя ее откровениями. Это позволяет объяснить некоторые противоречия в изложении систем одних и тех же гностических учителей различными ересеологами. Так, например, плохое согласование между собой сведений о системе Валентина как мифологизированной конструкции у Иринея и монистических фрагментов самого ересиарха у Климента Александрийского можно объяснить тем, что существовало два учения: одно, монистическое, для неофитов и второе, дуалистическое – для посвященных. Это подтверждает и сам Ириней: «Но поскольку все вышеупомянутые (еретики), хотя языком исповедуют Единого Иисуса Христа, сами посмеиваются над собой, иное думая и иное говоря» (III,16,6) и «(Духовный человек) будет судить и последователей Валентина, потому что они, хотя языком исповедуют Одного Бога Отца, но Самого Творца всего называют плодом недостатка или несовершенства, и хотя языком исповедуют Одного Господа Иисуса Христа Сына Божьего, но в своем учении приписывают Единородному свое произведение, а Слову свое, и иное Христу, а иное Спасителю, так что по их взгляду, хотя все почитается как бы за одно, но каждое из них понимается отдельно существующим. Итак, они только языком исповедуют единство (Бога), а их мысль и разум исследуют глубины, отступая от единства...» (IV,33,3). Возможно, гностики оправдывали это тем, что так же действовали и апостолы: «...как говорят эти пустейшие софисты, будто апостолы с лицемерием приспособляли свое учение к приемлемости слушателей и давали ответы сообразно с мнениями вопрошающих: для слепых выдумывали басни сообразно с их слепотой, для слабых сообразно с слабостью и для заблуждающихся сообразно с их заблуждением, и что они тем, которые почитали Демиурга единым богом, его и проповедовали, а способным понять неизреченного Отца излагали неизреченную тайну посредством притчей и загадок, и что Господь и Апостолы вели дело учительства не согласно с истиной, но лицемерно и приспособляясь с приемлемостью каждого» (Iren. III,5,1).

К сожалению, мы не можем ничего больше сказать о характере миссионерской деятельности еретиков, в отличие, скажем, от Павла или христианских миссионеров, от которых у нас дошли пастырские послания, «Учение 12-ти апостолов» или рассказы у более поздних авторов. Так, мы не знаем, обладали ли общины самостоятельностью или управлялись из некоего центра; обилие разнообразнейших течений внутри одной системы, как, например, в

валентинианстве, склоняет к первому предположению. Ничего нельзя сказать о принципах организации новых общин. Неизвестно, следовали ли какие-то последователи за учителем, подобно апостолам, или нет. Существовало ли разделение регионов (как между апостолами) или каждый проповедник шел туда, куда его вел духовный голос? Все эти вопросы остаются пока без ответа.

Теперь обратимся к практической части проповеди: чем конкретно пользовались гностики для обращения новых верующих? Прежде всего, это сочинения: «Литературная производительность гностицизма, особенно во II в., была потрясающей. Первая христианская богословская литература и первая христианская поэзия были гностического характера. Большая часть ее – анонимна. Сюда относятся многочисленные апокрифические евангелия, деяния, послания апостолов, апокалипсисы. В народной среде их пропаганда имела огромный успех», – пишет Дж. Квастен [15]. До нас дошла лишь малая часть тех сочинений, но даже по тем трактатам, что уцелели, мы можем предположить, что существовали два типа литературы: экзо- и эзотерическая. Литература, предназначенная для использования внутри общины, носила специально-технический характер, примером ее может служить т.н. Бруканский кодекс: «Когда ты выйдешь из тела и достигнешь первого из эонов, и архонт этого эона окажется перед тобой, огради себя этой печатью. Это его имя: Зозезе. Скажи это только один раз. Сжимай этот амулет обеими твоими руками: 1119, тысяча сто девятнадцать. Когда ты кончишь ограждать себя печатью и ты произнесешь это имя однажды, скажи это защитное заклинание: "Уйдите, Протех, Персомфон, Хоус, архонты первого неба, потому что я призываю Еаза Зеозаз Зозеоз". Когда же архонты первого эона услышат эти имена, они будут очень испуганны, отступят к себе, и убегут налево, на запад, пока ты не уйдешь наверх. Когда ты достигнешь второго эона, Хунхеох появится перед тобой. Огради себя этой печатью..." и т.д. Вспомним, что в системе Василида существовало 365 небес, а на каждом небе обитало 7 ангелов и, таким образом, для прохождения всех небес нужно было помнить 2555 паролей. С одной стороны, вряд ли это могло кого-нибудь привлечь, кроме узких профессионалов, но с другой – эти имена и заклинания представляли большую ценность, с их помощью можно было совершать магические праксисы, имена давали власть над архонтами этого мира. То, что это были вещи достаточно важные, авторитетные, а главное – сохраняемые в тайне, свидетельствует сам Ириней: «Далее, если вышнеебесное действительно создано посредством их (еретиков), то пусть скажут нам, какая природа существ невидимых, расскажут число ангелов и чин архангелов, откроют таинства престолов и объяснят различие господств, начал, властей и сил» (II,30,6).

Конечно, для привлечения верующих использовалась литература другого рода. Гностики не писали, подобно церковным христианам, развернутых апологий или сочинений против язычников (до нас, во всяком случае, не дошли ни они, ни упоминания о них), которые носили ярко пропагандистский характер. Основным их жанром был, как мы уже сказали, псевдо-эпиграф. Там не содержится явного призыва обращаться в «истинную веру»; они просто рассказывали о величии, славе и совершенстве духовного мира, о демиурге, о существовании в тебе искры высшего света, об отличии пневматика – человека духовного от гилика – человека плотского, а напоследок – о последующих их судьбах, и судьба гилика – это великое благо по сравнению с участью того, кто слышал о подлинном учении, но «стал глумиться: отдадут его верховному архонту. И такого он повергнет и сбросит с неба к основанию ада, и заточат его в место узкое, темное. Не может он тогда повернуться или двинуться из-за большой глубины Тартара и тяжелого страдания преисподней, которая охраняема, и предадут вас ангелу тартара. Когда направляется он на запад, он находит огонь. Когда поворачивается он к югу, он также находит его там. Когда поворачивается он на север, его встречает кипящая угроза огненная. Не может он найти дороги на восток, чтобы направиться туда и спастись. Ибо не нашел он ее в день, когда был в теле, дабы мог он найти ее в день суда» (ННС II,7,142–143).

Иногда создается впечатление, что подобные работы писались для посвященных, но предназначались для хождения в кругу потенциальных прозелитов, и требование хранить

«это учение в тайне» или «не менять эти слова ни на дар, или на одежду, или на какую-либо другую вещь подобного рода», о котором мы говорили в начале, не более, чем еще один пропагандистский трюк. То, что писания для членов общины могли использоваться и за ее пределами, показывает такой памятник, как послание Птолемея к Флоре, сохраненное Епифанием.

Скорее всего, Флора была христианкой, увлекшейся гностицизмом, достаточно близкой к Птолемею. Она обратилась к нему с вопросом о том, как следует смотреть на ветхозаветный закон, а этот вопрос в середине II в. имел принципиальное значение; достаточно вспомнить, с одной стороны, Маркиона, а с другой – иудеохристиан. Птолемей ответил ей письмом, имеющим характер трактата. Прежде всего он устраняет два диаметрально противоположных мнения о законе: одни относили закон Самому Богу, Отцу, другие – дьяволу, противнику Бога (достаточно прозрачный намек на Маркиона). Птолемей не принимает ни одно из этих мнений и указывает свои соображения. С одной стороны, закон слишком несовершенно, чтобы его целиком приписывать Отцу, ибо он нуждается в дополнении другим и не отвечает природе благого Бога. С другой стороны, нельзя считать закон и произведением дьявола, закон – только произведение бога справедливого. В законе нужно различать три части: одна из них – от Бога, другая – от Моисея, третья – от еврейских старейшин. На это разделение указал сам Спаситель: Он приписал Моисею закон о разводе и ясно засвидетельствовал, что этот закон противен закону Бога; о частях закона от старейшин он ясно говорит, избличая последних в извращении заповеди Божьей о почитании родителей (Мф 15:4-6; Мк 7:6-7). Более того, часть закона от Бога тоже распадается на три части: чистое (10 заповедей; относительно него сказано «не нарушить пришел, но исполнить»), смешанное со злом и неправдой (око за око и зуб за зуб) и символическое (предложенное Спасителем в духовное и невидимое; так, обрезание плоти должно знаменовать обрезание сердца). Следовательно, виновником закона не могли быть ни Бог, ни дьявол. Истинным виновником закона является демиург, творец этого мира, ни добрый, ни злой, а правосудный. В конце он пишет: «Бог даст, впоследствии узнаешь начало всего и рождение, когда удостоена будешь апостольского предания, которое по преемству получили и мы, с тщательной проверкой каждого слова учением Спасителя». Здесь нет ни объяснения существования демиурга и дьявола при едином начале, ни рассказа о падении Софии, ни слова об эонах; скорее всего, это сочинение рассчитано на аудиторию более христианскую, которой нельзя сразу сообщать весь объем информации. Другое дело – образованный язычник, воспитанный на Платоне, которого не пугает ни мир идей, ни демиург. Похоже, что здесь старались как можно позже начать говорить о Христе (Iren. I,7,2).

Большая роль в процессе проповеди отводилась чудесам. Это отмечали и ересеологи: «...То снова выставили они (демоны) других, Симона и Менандра из Самарии, которые своими волшебными чудесами многих обольстили и теперь держат еще в обольщении. Симон был в Риме при Клавдии Кесаре, и так удивил священный сенат и народ римский, что его признали за бога и в честь его воздвигли статую, почитаемую у вас подобно другим богам» (Iust. Apol I, 56); «Далее будут обличены последователи Симона и Карпократа и другие, слывущие за творящих чудеса, которые не силой Божией, не истинно и не на пользу людям делают свои дела, но на пагубу и заблуждение, и своими магическими обольщениями и всяческим обманом более вредят, чем приносят пользу людям, им верящим, потому что увлекают их» (Iren. Adv. Haer., II,31,2). Эти два пассажа выбраны потому, что они прямо указывают на агитационное значение магии и чуда. Чудо вообще играло важную роль в раннем христианстве, мы не будем подробно рассматривать эту обширнейшую тему, остановившись лишь на некоторых ее аспектах.

Здесь необходимо сказать несколько слов о том, что христиане в глазах язычника вполне могли выглядеть колдовским народом. То, что христиане считали, что они – *Gentium Tertium* (первые два – эллины и варвары), засвидетельствовано как христианскими, так и языческими авторами. Кроме того, они с самого начала состояли в очень тесном контакте с

демонами: Иисус беседовал с ними, и апостолы продолжали эту традицию: «Даже некоторые из скитающихся иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими в себе злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, которого Павел проповедует. Это делали какие-то 7 сынов иудейского первосвященника Скевы. Но злой дух сказал в ответ: "Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?". И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома» (Деян.19:13–16). Христиане славились как лучшие экзорцисты, а Тертуллиан присваивает им даже монополию на этот род деятельности. Несмотря на то, что демоны поддаются и языческим экзорцизмам, репутация христианских целителей была довольно прочна в языческом обществе. Целители-христиане действовали не только среди простого люда, но и приглашались в дома более знатных особ, где хозяев, прежде всего, интересовало их искусство, но затем они могли обратиться и к изучению христианского учения. Таким образом, борьба католической церкви против как языческой, так и гностической магии – не только сфера принципиальной борьбы сил света и мрака. Это – жесткая конкуренция между отдельными представителями этих ремесел и целой кастой людей, заявляющих исключительное право на господство над всякой нечистой силой. «Если и делают что-либо, то, как я сказал, делают посредством магии и стараются обманом обольстить людей неразумных, ибо никакого добра и пользы не доставляют тем, над которыми, как говорят они, совершают силы, но привлекая мальчиков и обманывая зрение, они производят явление, мгновенно исчезающее и даже минуты не продолжающееся, и таким образом оказываются подобными не нашему Господу Иисусу Христу, но Симону Волхву», – пишет Иринея (II,32,3–5), нападая не на гностическую магию как таковую, а только на ее средства и результаты, т.е. скорее на технические стороны. Когда гностики заявляли, что они творят чудеса силой демонов-архонтов этого мира, они лишь старались набросить на себя тень христианской славы.

Говорить о восприятии чуда толпой достаточно тяжело, ограничимся, кроме того, что было уже сказано, несколькими цитатами из Нового Завета: «Мы знаем, что Бог грешников не слушает», «Как может грешный человек творить такие чудеса?», «Ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если с ним не будет Бог». Таким образом, чудо – признак того, что учение верно, проповедник чист перед Богом и, более того, может быть, сам Бог присутствует здесь. То, что эти взгляды были характерны не только для христиан, но и для язычников, показывает Тацит в «Истории» (IV,81); чудо доказывало «благоволение неба и приязнь богов новому принцепсу».

Все сказанное выше относится к чуду, но не менее мощным аттрактивным средством была и магия. Во-первых, есть свидетельства о прямом использовании магии для привлечения новых верующих, правда, относящиеся к женщинам и преподносимые Иринеем под видом «приворотного зелья» («А что этот Марк, по отношению к некоторым из женщин, хотя и не ко всем... употреблял особые средства к возбуждению любви и обольщению, – это они сами много раз исповедовали, возвратившись в Церковь»). Во-вторых, к гностикам-магамам в поисках новых методов и средств шли люди, профессионально занимающиеся магией. В позднюю античность у магов существовала практика взаимообучения (или, по крайней мере, обмена рецептами); нам известна масса изображений и надписей гностического характера на амулетах, талисманах, перстнях и т.д.

В заключение хотелось бы сказать, что, как кажется, предлагаемый подход к изучению гностицизма – не самый бесперспективный. В первый период существования любая религия прежде всего старается получить максимально большее распространение; гностицизм не был исключением. Рассматриваемый период – II век – период зарождения большинства гностических систем; ересархи-основатели должны были стремиться к привлечению наибольшего числа последователей и это дает нам возможность рассматривать его через призму агитации. Кажется, этот подход дает еще один вариант ответов на вопросы, которые традиционно возникают при изучении гностических учений [16].

Примечания:

- [1] Доклад был прочитан на заседании СНО 27 октября 1998 г.
- [2] Например, «Против валентиниан» Тертуллиана практически целиком заимствовано из труда Иринейя, а Епифаний сохранил для нас большую часть I-ой книги греческого оригинала «Против ересей» в 31-й главе «Панариона».
- [3] Возможно, у неоплатоников было не принято называть своих противников: Симпликий, полемизируя с манихеями, тоже не указывает их имени (Comment. in Epictiti Enchiridion 27).
- [4] Подробнее об этом см. Karin A. Philosophie gegen Gnosis. Plotinus Polemik in Seiner Schrift II,9. Stuttgart, 1990.
- [5] Поснов М.Э. Гностицизм II-го века и победа Христианской Церкви над ним. Киев, 1917, сс. 649–657.
- [6] Прежде всего, магия использовалась для того, чтобы освободиться от власти Демиурга. Но если известны имена архонтов этого мира, отчего бы не воспользоваться ими? «Они (карпократиане) также занимаются искусством волхования и заклинания, употребляют любовные напитки, прибегают к своим духам и наводящим сон демонам и к другим хитростям, говоря, что они имеют силу даже повелевать начальствами и создателями сего мира, а так же и всеми созданиями в нем» (Iren. I,25,3).
- [7] Фокусник, о котором сообщает Плиний Старший (HN XXV,15).
- [8] Начиная с Нерона, обвинившего христиан в поджоге Рима в 64 г. (Tac. Ann. XV,44), в них видели причину всяческих бедствий: «Если Тибр вышел из берегов, а Нил не разлился, если не было дождя, если случилось землетрясение, если земля разорена, если наступил голод, тотчас все кричат: дело христиан!» (Tert. Ad Nat. I,9), Августин сообщает о пословице «Нет дождя – вини христиан». Но повод к таким выступлениям могли дать и сами христиане, рассматривающие стихийные бедствия как кары, ниспосланные на язычников. В этом отношении характерна вылазка самого Тертуллиана, указывающего на неурожай, прошлогодние ливни, недавние огни над стенами Карфагена, грозы и, наконец, солнечное затмение в Утике (Ad Scap. 3). Все эти апологетические мудрствования при соответствующей интерпретации могли иметь самые неблагоприятные последствия для христиан.
- [9] Современные теологи достаточно часто сопоставляют гностицизм с протестантством на основании, например, строгого детерминизма в спасении. Мы не будем касаться этого вопроса; отметим лишь, что избранность тоже хорошо может иллюстрировать это сближение.
- [10] Nock A.D. The Milieu of Gnosticism // Gnomon 12 (1936) p. 612.
- [11] В начале III века Григорий Неокесарийский гордился тем, что если в начале его епископства в городе было 17 христиан, то в конце – всего 17 язычников, но позже Киприан напишет: «Мы, епископы, тщательно взвешиваем и осторожно испытываем, кого следует принять и допустить в церковь. Не следует собирать в церковь такую гниль, которая заразила бы все здоровое и цельное, и тот пастырь не будет искусным, который допускает в стадо зараженных овец. Ты не смотри на число их».
- [12] В данном случае уместно причисление Маркиона к гностикам: речь идет о происхождении Христа непосредственно от благого Бога. Цельс, как и христианские полемисты, не отделяет маркионитов (как, например, отделялись монтанисты) от симониан, марцеллиан и других сект гностического толка (Orig. C. Cels. V,62).
- [13] Специально этот вопрос рассмотрен в: Свенцицкая И.С. Женщина в раннем христианстве // Женщина в античном мире. М., 1995, сс. 156–167.
- [14] Гиттон и Каппаретя – села в Самарии, о Фревониде мы знаем только от Епифания: «Валентин родился в приморской стране Египта, Фревониде» (Panag. 31,2,3).
- [15] Quasten J. Patrology, 1987, vol. 2, p. 134.
- [16] Мы рассматривали христианский гностицизм, но схожие тенденции мы можем наблюдать и в других, нехристианских его формах. Так, в явной форме призыв к проповеди выражен в герметизме: «(Говорит Поймандр): "...Чего ты ждешь теперь? Ты унаследовал от меня все учение, тебе осталось только указывать дорогу людям, достойным того, чтобы при твоём посредничестве Бог спас род людской". И я начал проповедовать людям красоту веры и знания: "О народы, люди, рожденные из земли, погрязшие в пьянстве, снe и незнании Бога, отрезвитесь, встряхнитесь от вашего беспутства и чувственного оцепенения, пробудитесь от вашего отупления!". Они услышали меня и все как один собрались вокруг меня, и я продолжал: "Почему, о люди, рожденные из земли, вы предаёте себя смерти, когда вам позволено обрести бессмертие? Раскайтесь, вернитесь к себе самим, вы, блуждающие, чахнувшие в невежестве; отдалитесь от света сумрачного, приобщитесь бессмертию, раз и навсегда отвергая порок". И одни, насмехаясь надо мною, поспешили в свою сторону, а шли они по пути смерти; иные, бросаясь к ногам моим, умоляли меня научить их. И я, подняв их, стал поводырем рода людского, проповедуя учение, указывая в речах моих путь спасения; я сеял в них слова мудрости и они отведали воды бессмертия"; (СН I,26–29).